

Мы подружились с Тимошей ещё в первом классе, на девятом году нашей жизни, чуть только он поступил к нам в гимназию. Никому из нас он тогда не понравился: веснушчатый, с большими ушами, зайка, который любил говорить. Я единственный с первых же дней стал его терпеливым и снисходительным слушателем. Сначала я слушал его только из жалости, чтобы не обидеть. Но вскоре произошла очень странная вещь, которой я до сих пор не могу объяснить: разговаривая со мною, Тимоша почти переставал заикаться, речь его становилась текучей и гладкой, как у всякого другого мальчишки. Он рассказывал мне о Синдбаде-Мореходе, о птице Рох, о лампе Аладдина, о волшебных пещерах, наполненных золотыми сосудами, о подземных садах, где копошатся чудовища, и, главное, о контрабандистах и весёлых разбойниках, которых он будто бы видел своими глазами. Его отец был начальником морской таможни и ловил контрабандистов десятками — так, по крайней мере, говорил мне Тимоша. Потом я понял, что его рассказы о контрабандистах — фантазия, но тогда я верил им и они волновали меня. Контрабандисты в этих рассказах были все как на подбор смельчаки, великаны, с длинными пистолетами в белых зубах, но Тимошин отец был смелее их всех: он в страшную бурю выезжал на таможенном катере один против всех и, смеясь над их выстрелами, брал их в плен, как Гулливер лилипутов. Я очень удивился потом, увидев его отца: этот грозный сокрушитель пиратов оказался самым обыкновенным чиновником — лысоватым, с землистым лицом. Может быть, Тимоша оттого и выдумал себе другого отца, что его подлинный отец был такой чахлый и скучный. О подвигах этого выдуманного отца Тимоша рассказывал мне чаще всего на задворках нашего дома. Там стояли «каламашки» — некрашенные полукруглые ящики, похожие на глубокие большие корыта, в них вывозили накопившийся мусор и снег. В свободные часы мы с Тимошей любили забираться в каламашку, шептали друг другу всякие небылицы и выдумки. Это у нас называлось почему-то «говорить про Багдад». Позже, когда мы стали читать из недели в неделю бурнопламенный журнал «Вокруг света», который выписывала Тимошина мать, мы стали в той же каламашке рассказывать друг другу истории о следопытах, людоедах, ковбоях, огнедышащих горах и африканских миражах. Замечательно, что, едва только попадали мы на дно каламашки и, качаясь, как в лодке, начинали «говорить про Багдад», мы словно переселялись в другую страну и сами становились другими, не такими, какими были за минуту до этого. Моя сестра Маруся, строгая, всегда занятая, разговаривает со мной свысока. Года три назад она сказала мне каким-то неожиданным голосом: Хочешь играть в путешествия? Я ответил: Ещё бы! — потому что я жаждал кораблекрушений и подвигов. Но она взяла пять узеньких листочков бумаги, написала на них старательным почерком «Азия», «Африка», «Европа», «Америка», «Австралия» и приколола их булавками в разных концах нашего большого двора. Кухня оказалась Америкой, крыльцо — Европой. Мы взяли длинные палки и пошли из Азии в Америку. Чуть только мы очутились в Америке, Маруся нахмурила лоб и сказала: В Америке главные реки такие-то, главные горы такие-то, главные страны такие-то, климат такой-то, растения такие-то. А потом сказала: Повтори. Я вместо ответа заплакал. Лучше бы она побила меня! Путешествовать значило для меня мчаться по прериям, умирать от жёлтой лихорадки, выкапывать древние клады, спасать прекрасных индианок от кровожадных акул, убивать бумерангами людоедов и тигров, и вдруг вместо этого меня ведут от бумажки к бумажке и заставляют, как в классе, зубрить какие-то десятки названий! Я убежал от неё со слезами, чуть только мы дошли до Европы.

(По К. И. Чуковскому*)

*Чуковский Корней Иванович (1882-1969) — поэт, публицист, литературный критик и переводчик, детский писатель и журналист.